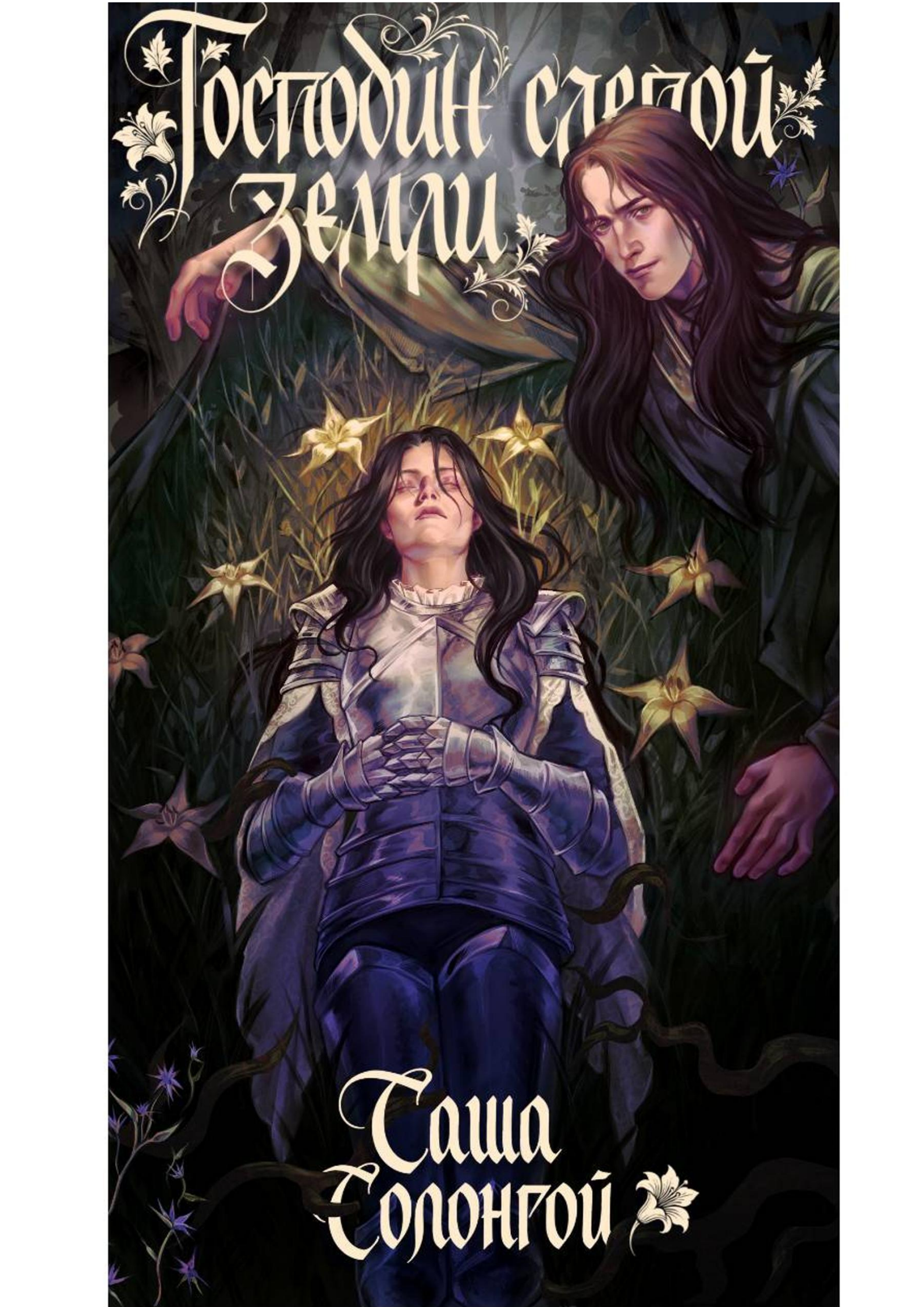

Господи́н снѣгой Земли

A detailed illustration of a woman in a dark, ornate dress lying on the ground, surrounded by yellow and purple flowers. A man with long dark hair and a dark robe stands over her, looking down. The background is dark and moody, with a large, stylized white flower in the upper left corner.

Таши
Солонгой

Саша Солонгой

Господин слепой Земли

«Автор»

2026

Солонгой С.

Господин слепой Земли / С. Солонгой — «Автор», 2026

Молодой виконт Роберт впервые покинул родной предел, чтобы посвататься к герцогской дочери. Кто мог знать, что на замок герцога нападут воины без знамён, верный шевалье Роберта будет вынужден спасать невесту, а её слуга — самого виконта? А Господин Земли лишь продолжит наблюдать за тем, как смертные убивают и умирают за то, над чем не властны. вольный ретеллинг оперы «Иоланта» автор обложки dashaonfire

© Солонгой С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I. О цветы, о цветы, о весна	5
II. При ней нельзя упоминать о свете	12
III. Вернись назад исполненный боязни	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Саша Солонгой

Господин слепой Земли

I. О цветы, о цветы, о весна

*Два мира: плотский и духовный
Во всех явлениях бытия
Нами разлучены условно —
Как неразлучные друзья.
На свете нету впечатленья,
Что тело знало бы одно,
Как все в природе, чувство зренья
Не только в нем заключено.
И прежде, чем открыть для света
Мирские, смертные глаза,
Нам нужно, чтобы чувство это
Познать сумела и душа.
из либретто “Иоланты” братьев Чайковских*

* * *

Гийом

Две дюжины воинов в тяжёлых доспехах ехали медленно, в напряжённой тишине. В пред-
рассветном холодном воздухе бряцало железо, храпели кони и скрипели колёса телеги, гру-
жённой бомбардой. За лесом их уже ждал другой отряд, который говорил на чужом языке и
также не имел гербов.

Один из воинов, что ехал на мощном кауром коне и носил кровавый пурпуэн, оглянулся
назад, на земли, которые отряд покидал.

За крупами лошадей оставалась мёртвая пустыня с испещрённой трещинами, выродив-
шейся землёй. Той, что он унаследовал. Той, что его предала.

И той, ради которой он вступил в чужую войну.

* * *

Водемон и Роберт

Пыль поднималась непроглядным облаком, оседала на нежные лепестки цветов, нахло-
дившихся к дороге. Всадник в черном доспехе, с блестящими на заходящем солнце крыльями
шлема, гнал вороного коня. Впереди мелькал, то пропадая, то снова выступая из завесы, серый
в яблоках. Его наездник, заключённый в сияющие серебром латы и тёмно-зелёный плащ, вен-
чанный золотыми лилиями, поднял забрало, сверкнул улыбкой преследователю и прищпорил
коня.

Чернокрылый не собирался давать тому оторваться.

Всадники неслись мимо полей, на которых зрели робкие виноградные завязи, мимо сон-
ных дворов с брехливыми псами и крестьян, что, разгибая спину, прикрывали глаза рукой и
смотрели вслед двум чужеземцам. Им, прикованным к Земле, не дано было знать, что за всад-
никами на ветру вздымался багряный плащ грядущих бед.

А я, ещё спящий, уже знал, что будет дальше.

Потому что всякая история войны у смертных похожа на другую.

Светлый всадник к тому времени уже взмылил коня и покрылся испариной сам. Весеннее солнце днями уже нещадно жарило, а по ночам луна ещё мучила холодом, от которого спасало только пламя костра. Он был вдали от дома уже несколько дней, сдерживаемый скоростью свиты, медлительностью телег, гружённых припасами, старой клячей интенданта. И с каждым часом яростная жила молодости всё сильнее взбухла во всаднике от нетерпения.

За несколько дней пути ему так и не довелось найти ни одного, даже самого глупого повода выпустить нетерпение. И вот, повод нашёлся сам.

Он оглянулся назад: чернокрылый нагонял, но не угрожающе, всё ещё оставляя между ними разрыв в несколько лошадиных корпусов. Светлый всадник бросил назад задорное:

— Будешь поддаваться — повешу!

И пустился вперёд ещё быстрее.

А чернокрылый равнодушно глянул на солнце, ныряющее за стены маленькой церкви на холме. Он знал, что пора было останавливаться на ночлег, дожидаться остальных. И заканчивать поддавки.

Если бы кто-то смотрел на чернокрылого и его коня в этот момент, он бы решил, что тот ему привиделся: конь рванул вперёд со скоростью стрелы, выпущенной из арбалета. Рассеялся образ, став чёрным росчерком, который обогнул светлого всадника, проскользнул по дороге вперёд, почти невидимый глазу, и остановился только во дворе церквушки, до полусмерти перепугав средних лет монаха в бурой тунике.

Он подскочил на месте, чуть не выдрав из священной земли целебные травы с корнями, испуганно уставился на чернокрылого. Тот, заметив его испуг, снял шлем. Под ним оказалось молодое, источенное ветрами суровое лицо. Оно, подобно трещинкам на камне, было покрыто щербинками шрамов. Под тёмными густыми бровями горели два глаза-малахита, серьёзные, но источающие тепло.

— Найдётся у тебя место ночлега для виконта, брат? — спросил он прямо.

Молодой монах оглядел пожаловавшего на двор господина, заметил глубокую зелень его глаз и тут же, до конца так и не поняв его статус, согнулся в поклоне:

— Конечно, сир. Виконт путешествует в одиночку?

Чернокрылый вскинул брови, потянулся к монаху заключённой в латы ладонью, и тот лишь пригнулся, словно готовился получить оплеуху, как на дворе появился, загорцевав на месте, второй конь.

— Что, Водемон, уже титулами размахиваешь? — насмешливо спросил светлый всадник.

Водемон, который хотел лишь дотронуться до плеча монаха, тут же выпрямился, улыбнулся приезжему.

Он тоже снял шлем, и монах увидел бледное лицо, усыпанное родинками, длинный острый нос и тонкие черные брови, обрамляющие такие же зелёные, как у того, кого звали Водемоном, глаза. Именно они и сбили монаха с толку.

— Виконт Роберт де Шаторель, — представил своего господина Водемон.

Монах поспешно повернулся к нему, и, пока Водемон ловко спрыгивал с коня и принимал в руки шлем Роберта, бодро поклонился.

— Прошу прощения, что не признал, господин Шаторель.

— Пустое, — сказал Роберт. — Да и не господин я тебе.

Монах кивнул, растерянно улыбаясь. Впервые его скромную обитель, часовенку на границе трёх герцогств, осенила такая персона, как Роберт. За годы службы здесь монах уже привык вести мирную жизнь наедине с огородом и молитвословом, а теперь не знал, за что братья

и как встречать такого гостя. Пусть не был он ему сиром, а земли эти на границе графства и двух герцогств одному Господину Земному принадлежали, но хватало в монахе толка, чтобы каждого из господ привечать. Он жил тут один и хорошо знал: когда война придёт в этот сад, силами виконта и таких же, как он, будут церковь отстаивать.

— А это мой шевалье, сиятельный Водемон из братства Чёрного крыла, — не без гордости в голосе представил Роберт. — Как тебя зовут, брат?

Он спросил это почти без паузы, между делом, когда сам слезал с коня. От помощи верного шевалье он отказался и прыгнул на землю менее изящно, чем Водемон, явно не ожидая резко рухнувшей на его плечи тяжести доспеха.

— Тьерри, — на выдохе отозвался монах.

Услышав имя монаха, Роберт громко хмыкнул, а Водемон поверх его плеча отправил Тьерри извиняющуюся улыбку.

— Наши люди подспеют к темноте, но они смогут расположиться и в палатках снаружи. Келья нужна лишь виконту... — начал было Водемон, но Роберт перебил его выразительным кашлем:

— Не люблю спать на земле.

Тьерри быстро закивал, растерянно улыбаясь. Ему такое было ново: с детства монахов учили есть, спать и молиться на сырой земле или хотя бы глинобитном полу, веря, что тогда-то, измазанных в пыли грязнень, Господин Земли точно их услышит и защитит.

Кто я такой, чтобы разрушать эти иллюзии?

Пусть молятся так, как хотят, правда?

Вопрос лишь в том, была ли в этой маленькой церквушке землистого цвета, поросшей выюном и живущей силами одного монаха, хоть одна келья?

Водемон подхватил жеребцов под узды и вопросительно глянул на монаха. Тот сразу засуетился, принялся показывать двор, выгребать из покосившейся пристройки сено и помогать треножить коней.

— Куда путь держите? — спросил Тьерри между делом. Ему хотелось поговорить, утолить пылающее любопытство. Он служил здесь давно, соскучился по досужим разговорам и просто звуку голосов.

— В замок герцога Рене.

— Далеко вы отправились и в опасное время, — заметил Тьерри и впился взглядом в шрамы, как древесные корни, покрывающие руки Водемона: тот снял наруч, и принялся гладить по морде вороного. — Слышал, у границы опять беспокойно, вот-вот опять начнутся стычки.

— Да, — коротко ответил Водемон и глянул на Роберта, который начал было бороться с заклёпками на нагруднике, но быстро бросил это дело, скинул на землю подшлемник и встал, подставив бледное лицо рыжему солнцу. Его отросшие чёрные волосы прилипли к лицу и голове, а дыхание после гонки так и не выровнялось.

И вопреки этому, вопреки тому, как потрепал его господина всего день в седле, Водемон смотрел на Роберта, и ему казалось, что его господину по плечу что угодно.

Он сказал монаху:

— Мы едем эту войну остановить.

— Как думаешь, удастся соскочить? — со смехом в голосе спросил Роберт.

Они снова оторвались от свиты Роберта, подстегнули коней и рванули вперёд по дороге, чтобы выпустить прыть и ускорить утомительный путь. Их обнимали листвою, укрывали от жара и пьянили ароматами цветов богатые земли герцогства Люмеран. Прежде Водемон слышал о зелёной роскоши провинции, о том, что нет её пышнее и краше, потому как именно тут упокоился сам Господин Земли. Но видел он такое впервые. Словно бы за каких-то пару дней они ускакали на два месяца вперёд, в самую середину яркого лета.

— Это политический брак, — сухо напомнил Водемон. — С такого не «соскакивают».

Роберту после скромного, но тёплого приема в Церкви Господина Земли, сна на узких полотах и водянистой каши на обед, видно, уже хотелось найти других приключений, поярче и поудалистее.

— Не хочу я всей этой суеты, на деве незнакомой жениться... — заговорил Роберт неожиданно серьёзно. Помолчал и добавил совсем уж неожиданное для Водемона:

— Хочу с тобой поездить, мир повидать.

Водемон улыбнулся, но того не было видно за опущенным забралом.

— Только ночевать мы будем на постоянных дворах, а не... — начал Роберт, но Водемон мрачно прервал его паясничество:

— Если мы нарушим наказ маркграфини, она нам головы оторвёт и вместо них лошадиные зады приладит.

Роберт рассмеялся заливисто, и ему завторила птица из бора.

— В самом деле, разве кто, кроме нас, разницу заметит?

Водемон покачал головой. Если Роберта маркграфиня Шаторель растила как редкий и капризный цветок, с бдительностью садовника глядя за каждым изменением в его болезненном лице и впервые за всю жизнь непреклонно потребовав у него лишь одного — женитьбы, то Водемон получал от неё лишь пренебрежительные взгляды и омерзение. Когда умер маркграф, чтобы не злить маркграфиню лишний раз, Водемон слился со стенами замка, стал тенью Роберта, следовал за ним след в след, охраняя того, кому одним лишь рождением принёс клятву, и избегая той, кому эта связь претила.

— Господа, вы бы потише свой побег обсуждали.

Между конями Роберта и Водемона втиснулась худющая кобылка интенданта Дитриха, рыжеусого и рябого, с сияющей на солнце лысиной.

— А то, боюсь, придётся вас, горячих голов, к себе привязывать.

Он говорил без злобы и без угрозы, с шутливостью старшего родственника, с которой наставлял обоих с детства. Водемон учтиво промолчал, а Роберт ухмыльнулся и вскинул брови:

— Куда мы без тебя, дедушка Дитрих!

— Я вам дам за дедушку! — хмыкнул Дитрих и начал, поначалу обращаясь к обоим, а закончил — только глядя на Водемона, — вы оба... да ты мне в сыновья годишься, сопля!

— И рад бы быть сыном такого достойного мужа, — уверил Водемон, но быстро оборвал фразу, глянул на Роберта коротко и отвернулся.

Дитрих тоже смолк, стал глядеть на всходящие поля, которые скользили мимо них. Не уловил общего смятения только Роберт: он начал болтать что-то о своей матушке да о том, что такого можно было найти в этой Иоланте, что он не видывал уже в других женщинах; что этакое в ней так понадобилось герцогине да как скоро им нужно будет возвращаться, надолго ли задержит их у себя старик Рене?

Он бы хотел вернуться в Шаторель длинным путём и уже не единожды говорил об этом без утаек. То он замечал, что читал, будто река Эстара в это время года особенно живописна, то припоминал поле золотых лилий, раскинувшееся в сердце Люмерана, то грезил хотя бы изда-лека увидеть Цитадель, растущую из воды мрачной громадой. Говорил о ней и всё поглядывал

на Водемона, как Роберту казалось, незаметно: изъявит ли желание взглянуть на гнездо, из которого выпорхнул?

А Водемон слушал господина вполуха. Он уже знал, какие тяготы бередают душу Роберта, и, если уж честно, тяготы эти со вчерашнего вечера, когда робкий монах лихо подливал им прошлогодний кагор и жадно впитывал чужой разговор, не сменились. И был бы он рад послушать Роберта и второй раз, и десятый, различать лёгкую хрипоту в его звонком и текучем, как горный ручей, голосе, который, стоило только чему-то пойти наперекор желаниям виконта, щетинился ледяной крошкой, складывался в острый клинок.

Но что-то глубоко внутри под чёрным доспехом, стёганкой и нижней рубахой сжималось в тяжёлый кусок металла и колошматило по рёбрам.

И вскоре он понял, почему.

Сначала заметить их было трудно: на фоне темнеющего леса стояла дюжина всадников в доспехах из тёмного металла. Воины выступили из листвы и споро зашагали к дороге, чтобы преградить Водемону и Роберту путь.

Дитрих заметил их одновременно с Водемоном, они переглянулись. Шевалье опустил забрало, проверил, легко ли выходит из простых кожаных ножен верный меч.

От Роберта это не скрылось. Он оборвал свой рассказ, слеповато вгляделся в остановившихся на дороге всадников, растерянно оглянулся на Водемона.

— Надевай шлем, — велел тот.

Роберт коротко кивнул и принялся непослушными пальцами отстёгивать ремни на седельных сумках. Ему попытался помочь, привстав из седла, Дитрих, но толку от того было мало. В итоге взвездённый Роберт прогнал его обратно к остальной свите, чтобы он их предупредил.

Дитрих недовольно скривился, но всё же и вправду отправился назад, бросая на оставленных им Роберта и Водемона торопливые мрачные взгляды.

— Откуда они, Водемон? — спросил Роберт, вглядываясь вперёд.

Война не дошла до этих земель, обе стороны осаждали границы, а богатый Люмеран для шайки разбойников мог бы показаться лакомым кусочком. Но всё же издалека точно сказать об их намерениях было трудно: они не доставали оружие, не преграждали дорогу телегами, а вышли открыто, просто стояли и ждали.

— Не знаю, — отозвался Водемон.

Роберт кивнул:

— Говорить буду я.

Вопрос «нужно ли с ними говорить?» Водемон задать не успел, потому что Роберт повернулся к нему и приказал ледяным, уже совсем не дружеским голосом:

— А ты будешь прямо за мной. Делать то, что умеешь отлично. Быть моим грозным шевалье, зыркать на них и держать ладонь на эфесе меча. Ясно?

— Да, сир.

Роберт хмыкнул и пришпорил коня, чтобы тот затрусил быстрее. Водемон старался не отставать от него больше, чем на полкорпуса, и внимательно приглядывался к оружию, висящему на поясах всадников.

Ни один из них не держал при себе копьё, а для сражения на коротких мечах и дубинках им всё же пришлось бы спешиться. Для Водемона и Роберта это значило, что пока незнакомцы не полезут из сёдел, они безобидны.

Сам Водемон уже почти по привычке сжимал эфес полутораручного меча, обманчиво холодного и тихого, но готового зверем выскользнуть из ножен, чтобы защитить Роберта хоть от самого Господина Земли.

Роберт же начал беседу первым:

— Мессеры, приветствую вас!

Водемон остановился позади. Всадники переглядывались между собой, но ни один спешиваться не собирался.

— Позвольте представиться, я — виконт Роберт, сын маркграфа Шатореля.

Роберт поднял забрало, а Водемону только и осталось, что проглотить своё недовольство. Один из всадников, в глухом бацинете¹, пробасил:

— Так он же помер.

Водемон видел по одной спине Роберта, что лицо его невольно скривилось.

— Вы правы, мессир, преставился осенью, — сладким голосом ответил Роберт.

— И что, правда, будто у вас там теперь маркграфиня заглавная? — спросил другой всадник, и по его голосу Водемон понял: тот был совсем мальчишкой, даром что ввысь вымахал, а точно младше их с Робертом лет на семь.

Его ткнули в бок рукоятью меча, и Водемон среагировал тут же: вытащил клинок из ножен на добрую треть, готовый к атаке и защите. Однако всадник в бацинете быстро заговорил, поднимая ладони в мирном жесте:

— Мы без дурных дум! Хотели лишь узнать...

— Вы преградили путь мне и моим спутникам, — доброжелательно заметил Роберт, еле заметным жестом указывая Водемону скрыть клинок. — Вскоре здесь будет моя свита, и нам нужна вся дорога, а не щель между вашими крупами.

Всадники молчали несколько мгновений, пока первым не заговорил тот, что был в бацинете:

— Простите за дерзость, а куда мессир виконт направляется? Может, нам по пути?

— Мессир виконт направляется в замок герцога Рене, господина этой земли.

Один из всадников что то шепнул другому, третий на эти слова повернул голову от кромки леса, к которой до сих пор было обращено всё его внимание, к Роберту. Водемону нестерпимо хотелось вмешаться в разговор, но он не смел.

— Вас что-то ещё интересует? — с нажимом спросил Роберт, и в его словах за деланной доброжелательностью сверкнула металлом угроза. — Могу и я поприветствовать вашего господина?

Тут всадники смешались окончательно: посыпались шепотки, переглядки и неловкие прикосновения пальцев к местам, где могли бы быть вышиты гербы рода на их сюрко. Но ни накидок, ни плащей на них не было: голый безгосподный металл, в каком идут на разбой.

Роберт заметил это раньше Водемона, и потому приберёг замечание напоследок. И как-то так вышло, что часто Водемон наблюдал в разговорах Роберта: всё кончилось без угроз и насилия. Всадники потупили взгляды, и кони расступились, пропустили вперёд виконта, шевалье, в затем и Дитриха, ведущего за собой телеги и свиту.

Всадники молчали, не двигались, пропуская их. Даже чудного старика с чёрными глазами, кожей землистого цвета, одетого как королевский шатёр и зовущегося Аль-Рази, проводили только изумлёнными взглядами.

— Как думаешь, они пойдут за нами? — спросил Роберт чуть позже, когда их скрыл от этой шайки буйно цветущий холм.

— Не знаю, — признался Водемон. — Но я глаз теперь с горизонта не спущу.

— Тогда доверяю тыл тебе, — улыбнулся Роберт, снимая шлем. Черные волосы высыпались из подшлемника, легли на плечи. — Друг.

Именно в такие моменты Водемон только и мог почувствовать счастье. Потому что у его службы была лишь одна цель, и она стоила любых усилий.

¹ Бацинет (от фр. basinet — «тазик») — средневековый европейский военный шлем с открытым лицом, обычно снабженный бармицей и подвижным забралом.

Водемон шлема не снял, но тоже улыбнулся. Он прикрывает.

II. При ней нельзя упоминать о свете

Водемон и Роберт

Замок герцога Рене показался среди цветочных полей и зелёных рощиц лишь на следующий день. Он рос, как громадное дерево с тремя толстыми ветвями-эркерами и стволом-данжоном, уцепившись корнями за горный карниз, неприступный с одной стороны и защищённый рукотворным рвом с другой. Из его русла рушилась, с высоты в два десятка туазов, и разбивалась о камни, отмирая белой пеной, река.

Роберт присвистнул:

— Да уж, такой замок даже если захочешь — не возьмёшь...

Водемон проглотил замечание о том, что брать его незачем и некому — ни один враг, даже корона Кастеры, не способны зайти в земли Террельена так далеко. А если замок герцога Рене всё же кому-то приглянется, то его жителям останется лишь бросаться с водопада вниз.

— А красиво, да?

— Красиво, — согласился Водемон.

— В наших землях бы так не построили...

— В приграничных марках надо ставить пользу выше красоты.

— Это тебе в ордене про твою рожу говорили? — усмехнулся Роберт, и по его выражению лица Водемон тут же понял, что он не ссориться с ним хочет, а просто шутит, разгоняет тоску. Роберт тем временем соорудил умное лицо, указал пальцем в землю, как бы обращаясь к знаниям Господина Земли, и глубокомысленно изрёк:

— Запомни, мой друг, красота важна все-гда!

— Это в твоих книгах так написали? — с улыбкой вернул нападку Водемон.

— И ты бы эту истину знал, коли читать умел.

Водемона учили читать, и оба о том знали. В него вбили азбуку ударами прута по вязнувшим в пропусках между словами пальцам, и учение это пусть и дало свои плоды, но навсегда отвратило Водемона от их вкуса. И когда жадный до приключений — хотя бы среди страниц — Роберт подсовывал ему очередную книгу в кожаном переплёте, Водемон лишь находил силы пролистать её, рассмотреть причудливые узоры и миниатюры, оставленные писцом. Однако ни одного чтения он, выйдя из Цитадели Чёрного крыла, так и не закончил. Лишь слушал иногда, как негромко читает вслух сам Роберт.

— Замок-то пусть красивый, но не такой уж большой, — протянул Роберт, пока Водемон призадумался о своём. — Должна же найтись там хотя бы бадья, правда? И парочка мыльниц?

— Ты свататься приехал, помнишь? — усмехнулся Водемон.

— Какая мерзость, почтенный шевалье, о чём ты только думаешь! Я лишь о помывке после четырёх дней в седле мечтать и могу! — возмутился Роберт. — Я слезу с этой клячи, а мой зад от неё ещё отскабливать придётся, вот девицы и помогут! Не то чтобы ещё что-то... *Свататься!..*

Вопреки угрозам виконта, зад его остался на месте. А приближение тёплой воды, мягкой постели и горячей еды пробудила в Роберте новые силы, и, пока они ждали свиту у подножия горы, на раскатанной, но крутой и сыпучей дороге, он гарцевал на Фьорде вокруг сонно пожёвывающего траву Мореля, и пересказывал Водемону очередную книгу.

Вверх пошли тяжелее, взмокли и кони, и всадники, и когда из-за каменных насыпей показались соломенные пристройки, приникшие к берегу замкового рва, Роберт сорвался в галоп. Едва не столкнувшись с телегой, перегородившей ворота, он резко затормозил, споро выпрыгнул из седла, будто позабыв о весе доспеха, и рванул к сонному стражнику. Тот тем временем уже четвертый раз пытался пересчитать ящики на телеге.

— Это замок герцога Рене? — спросил Роберт ровно тогда, когда его наконец нагнал Водемон.

— А кто такись будете? — щурясь да продолжая держать согнутыми пальцы за пересчитанные ящики, спросил стражник.

— Те, кто не прочь умыться и поест с дороги, — выдохнул Роберт, не улыбаясь, а скалясь от усталости.

И хоть Водемон разделял его чувства, говорить дальше Роберту он не позволил. Коротко представился и велел доложить герцогу об их прибытии. Только услышав это и хорошенько разглядев доспехи, стражник низко поклонился и, так и не распрямив пальцы, метнулся за ворота. Он позабыл и о телеге, и о мужике, который сидел на ней, и теперь крыл нерадивого самыми грязными словами.

Роберт на него шикнул — и он замолчал.

К моменту, когда за телегой выстроилась вереницей свита виконта, из-за ворот появился приземистый и усатый мужчина в белом пурпуэне с вышитым на груди золотым ключом. Он назвался кастеляном, стал разбрасывать по сторонам короткие приказы, сообщил, что герцог прибудет к ужину, указал, куда отвести коней, а сам, учтиво переговариваясь с Робертом, повёл его за внутренние стены.

Вокруг расцветала беспорядочная суета, а вслед за кастеляном принялся раздавать указы и Дитрих. Оставшись и без господина, и без дела, Водемон подхватил их с виконтом коней под уздцы и направился к просторной конюшне.

Вблизи замок герцога Рене и в самом деле оказался небольшим, но построен он был на совесть: каменные наружные стены заключали в кольцо ещё более высокие внутренние, с несколькими эркерами на углах. В их окнах и снизу получалось разглядеть разноцветье ярких витражей. А сверху на всё это, щурясь бойницами, взидала громада главного донжона.

Пока Водемон распрягал жеребцов, размышлял, что замок этот герцог Рене строил не для укрепления феода — стоял он посреди цветочных полей, далеко от границы герцогства, и ни одного злопыхателя на сотни лье здесь, в глуши, и днём с огнём не удалось бы сыскать. Может, он хранил здесь что-то? Но зачем же тогда встречу Роберта с Иолантой назначили именно в этом пределе?

— Мессир... — послышался откуда-то снизу тоненький голосок. Водемон расстегнул ремень, стащил с Мореля седло и обернулся. Перед ним стоял худенький мальчишка с веснушками на носу и чёрной щелью меж передних зубов.

— Позвольте мне... — промямлил он, протягивая руки вперёд.

— А удержишь? — с улыбкой спросил Водемон.

— Удержу! — огрызнулся мальчишка, а потом спешно, полушёпотом, опустив глаза в землю, добавил, — Мессир.

Водемон передал ему седло, и мальчишка в самом деле выдержал. Метнулся в глубину конюшни, чтобы уложить поклажу, схватил щётки и с горящими глазами взялся распрягать Фьорда, коня Роберта.

— Вы шевалье, да, мессир? — спросил он после того, как отправил на доспех Водемона несколько пристальных взглядов.

— Да, виконту служу, — рассеянно ответил Водемон, глядя на ворота и внутреннюю стену и гадая, пустят ли его к господскому жилью.

— Я тоже хочу стать шевалье, — осмелел тем временем мальчишка. — Пойду в экюйе, буду копить на первый меч! Герцог всяко меня возьмёт, раз уж даже девиц не чурается...

— Девиц? — удивился Водемон и снова повернулся к мальчишке.

Тот смешался, сжал губы в тонкую полоску и скрылся от Водемона за крупом Мореля.

— Извините, мне конюший и так говорит, что я вечно болтаю... — промямлил он.

Водемон вздохнул, подхватил оставленные на ограде седельные сумки и перекинул их через плечо. Обошёл Мореля так, чтобы увидеть мальчишку.

— Как тебя звать? — спросил Водемон.

— Жан, мессир, — отозвался тот, проходя ловкими пальцами по гриве Фьорда.

— Присмотри за ним, Жан, — сказал Водемон, коротко кивнув в сторону Мореля. — Он пусть небольшой, но немного своенравный.

Жан сначала нахмурился, не сообразив, чего знатному мессире от него надо, а потом увидел в ладони Водемона серебряный. У Жана попуновели уши, он сперва замер, но, обдумав, всё же умыкнул монету и заговорщически кивнул.

Водемона отправили за внутренние ворота. Одному из стражников кастелян даже указал проводить его к господину, и стражник, поклонившись, хотел забрать у Водемона седельные сумки. Но тот ему не позволил, и его повели к каменным покоям, выстроенным в стороне от донжона. Пока они проходили мимо колодца и кухонь, в которых сустились слуги, готовясь к вечернему пиру, Водемон успел разглядеть за оградой скрытый в тени стены сад. От него шёл такой густой цветочный дух, что у Водемона зачесался нос.

Но сад быстро скрылся с его глаз, его проводили до пристроек, велели подняться на второй этаж и пройти в самую правую спальню. Водемон осторожно протиснулся в узкий коридор, отворил дверь и тут же увидел Роберта.

Тот сидел к нему спиной, в бадье, поставленной у раскрытого окна, и от ароматной воды, в которую Аль-Рази уже добавил травяной сбор для Роберта, вверх поднимался пар. Худые ноги виконта лежали на бортике, а чёрные волосы свисали вниз до самого пола, когда он запрокинул голову назад, чтобы увидеть вошедшего.

— Я надеялся, мыльщицы пришли, а это просто ты... — протянул Роберт.

Водемон молча шагнул в покои с зелёным растительным узором на стенах, сундуком, умывальником, столом и двумя кроватями, на которых лежали в беспорядке части доспеха виконта. Шевалье сгрузил седельные сумки и принялся собирать доспех в сундук, раздумывая, как же сильно Роберт хотел умыться, что справился с этим в одиночку да ещё так споро.

— Нас ждут к ужину, — заговорил Роберт снова. Нырнул в горячую воду с головой, утёр лицо, откинул мокрые волосы назад и повернулся к Водемону:

— Я тут справлюсь без тебя, если что. Дитрих за стеной, а ты иди погуляй. Тебе же нравятся крепости.

— Уверен? — с сомнением спросил Водемон, протирая от пота и дорожной пыли нагрудник.

— Иди уже! — погнал его Роберт. Ещё бы и в спину затолкал, если б не поленился вылезать из горячей воды. — Во-первых, нас не разоружили, меч при мне, нечего бояться. А во-вторых... я что, брэ без тебя не вздену?!

Водемон знал, что взденет, и не только брэ, но почему-то не хотел оставлять виконта в незнакомом замке. Думал остаться под дверью или сесть снаружи, возле окон, но получил вдогонку:

— И сам иди умойся где-нибудь, пахнешь, как хряк! Таких на герцогские ужины не ждут!

Вот и пришлось спускаться вниз, к колодцу, и просить у служанки бадёйку или ковш. Она почему-то смутилась, отдала ему ведро и тут же принесла из кухни чистых тряпиц, а потом, заглядывая ему в глаза, попросила, как закончит, всё вернуть. Водемон согласился, снял рубаху, набрал ведро с водой и, поймав несколько внимательных женских взглядов, решил умыться в сторонке.

Под дружное хихиканье служанок, на ходу пытаясь прикинуть, что с его лицом или одеждой может быть не так, раз они столь веселы, Водемон завернул за стены кухни и остановился у садовой оградки. Тут, прислонившись к увитому лозами дереву, стояла лавка, на которой сподручнее всего получилось бы умыться.

И быстро стало понятно, что не так было с его лицом: на чистой ткани оставались чёрные и серые разводы, будто за последний день в пути Водемон не только не опускал забрала, но и всю дорогу прокладывал лицом, свесившись с лошади. В отличие от него, Роберт, который, напротив, только и норовил стащить шлем, остался внешне чист и свеж: то была плата Водемона за ношение вороного доспеха.

В путь они собирались в спешке, всего за пару дней: было ясно, что маркграфиня Бланка вела переписку с герцогом Рене уже давно, и Дитрих ещё заранее стал снаряжать телегу, только вот от самого Роберта это держали в секрете. Никто не говорил и Водемон, опасаясь, что преданность шевалье нарушит планы господ. И так, ошеломлённый вестями о венчании с вечера, уже утром Роберт трясся в седле, а Водемон, готовый к долгу всегда, оказался готов чуть менее, чем обычно: его доспех приезжий кузнец из Цитадели поворонил всего пару дней назад, и похорошему железу бы ещё пару дней постоять в темноте и прохладе, чтобы не мазать чернотой кожу и плащ.

Но этого времени у них не оказалось.

Обычной водой чернота сходила, но неохотно, и кожу приходилось растирать до боли. Руки и грудь ему удалось отмыть, став вместо чёрного красными, а вот с лицом дело шло хуже: в отражении на грязной воде не удавалось разглядеть. Водемон думал сходить на кухню и попросить у кухарок блюдо, в которое он бы мог смотреться, но что-то в глубине сада резко привлекло его взгляд.

Там, в сени кустов, робко приоткрывающих бутоны навстречу первым тёплым дням, сидели две мадемуазели. Они сидели, держась за руки, склонив друг к другу головы, как две лилии. Обе были одеты в дорогие котарди со шнуровкой.

Первая, с широкой грудью, крепкими руками и длинными смоляными волосами, которые стелились по её плечам чёрными ручьями, что-то говорила второй. Отсюда Водемон не мог разглядеть её лица, полуповёрнутого к тонкой и нежной, как цветок, мадемуазели в жемчужном котарди, светлокожей, тонкой и лёгкой, будто стебель. Ветер поигрывал её золотыми волосами, и она что-то отвечала первой, но не поворачивала к ней лица, глядела прямо и почти не двигалась, будто только очнулась от полусна, как и вся земля вокруг. Это, без сомнений, была мадемуазель Иоланта.

Внезапно темноволосая заметила незваного гостя. Она, мягким жестом отстранив Иоланту, вскочила на ноги, махнула ладонью возле пояса, будто пытаясь там что-то нащупать, шагнула вперёд и спросила громким грудным голосом:

— Кто такой?!

Водемон не растерялся, бросил тряпку под ноги и низко поклонился на месте.

— Приношу глубочайшие извинения! Я шевалье виконта Роберта де Шаторель, только прибывшего в замок. Моё имя — Водемон. Искал, где умыться, не умышлял нарушать покой мадемуазелей.

Темноволосая сдвинула брови, пригляделась к Водемон и поклонилась в ответ:

— Рада приветствовать, шевалье Водемон. Перед тобой, — она указала рукой на госпожу, — мадемуазель Иоланта, дочь герцога Рене. Этот сад — запретное место, и здесь никому, кроме господ, бывать не следует.

Компаньонка Иоланты говорила громко, голос её хлестал кнутом, и в фигуре её виделась мощь, готовность броситься в случае чего, чтобы защитить хрупкую госпожу. Осознав, что госпожи могли подумать, будто он, притаившись, за ними наблюдал, Водемон чуть не загорелся на месте от стыда.

— Прощу меня простить, — растерянно повторил Водемон, поклонился ещё раз, подхватил ведро и тряпицу, вылил воду под куст и поспешил обратно к кухням.

Покои герцога Рене находились в одном из эркеров и ибы просторными, если бы в них длинный дубовый стол не окружали ящики, сундуки и шкафы так, будто не нашлось ни единого места, где в целом замке это ещё можно было бы хранить.

Тяжёлые тёмные ковры скрадывали шаги, в воздухе кружилась пыль, переливающаяся цветами от витража. Мягкий свет от него ложился плащом на плечи сидящего перед ним герцога.

Через витраж, выложенный множеством ярких стёклышек, глядел на своих детей замутнённым взглядом зелёных глаз сам Господин Земли, высокий и плечистый, одетый в изумрудную тунику. Герцог дошептал в сложенные ладони слова, встал с одного колена и повернулся лицом к Роберту и Водемону.

Он оказался удивительно некрасив для своего положения. На его круглом лице срослись почти в одну полосу насупленные брови, под усталыми, покрасневшими глазами на бледной коже виднелись вены, а широкий подбородок делил надвое грубый рубец. Так Водемон и понял, чем они с герцогом похожи, да только всё равно не знал, как с ним держаться.

Герцог Рене взглянул на Роберта почти враждебно, с тяжестью в движениях и болью, отразившейся на лице, сел за стол, опустил руки на разложенные на столе книги и сцепил пальцы в замок. Поднял глаза на гостей снова и неожиданно улыбнулся.

— Рад приветствовать вас, виконт де Шаторель. Да зацветёт под твоими ногами Земля.

Роберт вежливо склонился. Водемон, как ему полагалось, наклонился куда ниже.

— Зацветёт и под вашими. Рад познакомиться и с вами, герцог, — улыбнулся Роберт.

— Присаживайся, — велел Рене, указывая на строгое деревянное кресло, стоящее по другую сторону стола.

Роберт не отказался, сел. Водемон остался стоять у двери.

— Как дорога, добрались без происшествий?

— Дорога прямая, добрались, — ответил Роберт.

Рене хмыкнул неучтивости гостя, но промолчал. Роберт же, скопив за несколько дней пути порядком яда, продолжать расшаркивания не был намерен.

— И что же такого в вашей дочери, что я непременно должен отдать ей руку и сердце? — прямо спросил он, вооружившись коронной зубастой улыбкой. — Умна она, может, как сотня монахов, или поёт лучше, чем в большой опере?

Герцог Рене сидел за столом, глядел на Роберта и пожёвывал нижнюю губу. Даже Водемону захотелось разок пихнуть господина под рёбра.

— Я знаю, что наша с ней свадьба принесёт выгоды обеим сторонам. Матушка мне подробностей не рассказала, так что ответьте мне *вы*, герцог Рене. — Роберт попытался сложить руки на груди, но доспех помешал ему, беспокойная ладонь ухватилась за эфес меча. — Что же в ней такого?

— Сир Роберт, — предупреждающе протянул Водемон от двери. Но никто в его сторону и головы не повернул. Роберт только шикнул на шевалье.

— Она моя дочь, — устало проговорил герцог Рене. Поднял со стола золотой кубок, медленно глотнул вина. — Для меня она, ясно, светлее всех, как ты светлее других для маркграфини Шаторель.

Герцог Рене коротко взглянул на Водемона, и тот пошатнулся от неожиданности. Рене продолжил:

— А, значит, не мне и говорить, чем она прекрасна. Потому что для меня — всем.

Роберт продолжал улыбаться, выжидал, что ещё герцог скажет про дочь.

— Лишь она родилась, а я уже знал, что она станет пешкой в чьей-то партии, пусть даже партию эту будут играть на пару дворов и блохастых дворняг, — спокойно добавил герцог Рене. — Такова роль всех дочерей, не правда ли? И я решил, что всем будет проще, если пешка и

впрямь окажется пешкой. Что если она не будет знать о том, что, дойдя до края доски, может обернуться королевой.

Герцог Рене выглядел печальным. Водемон читал в его глазах грусть. Неужели, даже за безопасность своих земель он не хотел отдавать дочь?

Роберт улыбнулся, будто бы его такой ответ устроил.

— Значит, знакомиться мне с ней надо, чтобы самому убедиться, — решил Роберт. Наклонил голову в задумчивости, добавил:

— Я хочу быть с вами честен, герцог Рене. Меня тоже втянули в это не по моей воле, и я бы нашёл вместо женитьбы множество других дел. Но раз судьба распорядилась так, я бежать не стану. Иоланта будет со мной в безопасности и спокойствии.

Вместо «судьба» стоило бы сказать «матушка».

Водемон глядел на лицо Роберта, но не мог прочесть, что он прятал за словами. Не смирился со своим положением уж точно, но что тогда? Задумал что-то?

— Это — то немного, что я хотел бы ей пожелать, — тепло улыбнулся Рене. — Значит, так тому и быть.

Герцог Рене махнул ладонью пажу у двери:

— Позови Бригитту.

До сих пор скукавший юнец лет четырнадцати кивнул и опрометью бросился за дверь. Из прохода было слышно, как гулко отзывался на его быстрые шаги камень.

— Сама мадемуазель Иоланта к нам присоединиться не изволит? — спросил Роберт.

— Она уже ждёт в зале. Можете представиться, сейчас тебя проводят.

Роберт держал лицо, улыбался мягко и вежливо, и одному мне на всей земле было ведомо, чего ему это стоило.

Вскоре вместо Бригитты в покои вошёл худой и высокий шевалье в полном доспехе из светлого, почти белого металла, который Водемон раньше видеть не приходилось. Поверх наплечников струились отрезки лёгкой белой ткани с гербовым ключом, а явно юное лицо закрывало глухое забрало. Шевалье молча поклонился герцогу Рене, затем Роберту и жестом велел следовать за ним.

Роберт ухмыльнулся, явно посчитав манеры шевалье причудливыми, но не сказал ни слова. Глянул на Водемона и последовал за молчаливым шевалье, быстро исчезнувшим в проходе. Вслед за Робертом отступил от стены Водемон, поклонился герцогу и проговорил из поклона:

— Если мой господин вас огорчил, прошу простить его, он устал с дороги.

— Не дорос ещё ты меня о чем-то просить, тем более за своего господина. — Хмыкнул Рене и посмотрел на Водемона внимательно маленькими умными глазами. — Лучше скажи, откуда ты у него такой взялся? Невоспитанный, своевольный... Восторг!

— Я могу быть почтителен меньше меры, признаюсь... — Водемон помедлил, раздумывая, какая причина здесь пришлась бы кстати и не бросила на Роберта тень. — Потому что мы братья по оружию.

— Ты меня за глупца не держи, шевалье. Вижу я, что виконт Шаторель — мечник, может, и умелый, но доспех его битвы не видел, а носит он его с лицом, будто сейчас переломится. А ты... и этот крылатый шлем... — Герцог Рене цокнул языком, сделал глоток из кубка и снова глянул на Водемона поверх золочёного ободка. — Ну да ваши секреты — ваши секреты. Поспешите лучше за господином своим.

Водемон низко поклонился герцогу, повернулся к двери и только тогда услышал тихое:

— Как коршуны...

Водемон озадаченно повернулся обратно к герцогу Рене. Тот, заметив, что привлёк внимание, заговорил вкрадчиво, тихо, почти шёпотом:

— Пока о моей дочери никто не знал, никому и земли мои не были нужны. Но что теперь задумала маркиграфиня Шаторель, и слепому будет ясно.

Водемон застыл, ожидая, не продолжит ли герцог говорить. Повернулся к нему всем корпусом, почтительно опустил глаза в пол.

— Она, если можно так сказать, символ, семя Господина Земли. Не знаю, за что он проклял так мою кровь, но если Иоланта войдёт в силу, то может как растить поля взмахом руки, так и дробить кости корнями деревьев. Только она о том не знает. И вдобавок она слепа, ведома. Слаба. Теперь понимаешь, на что твои господа позарились?

Водемон коротко кивнул.

— Посмотри на меня, шевалье, — не приказал, скорее попросил герцог Рене. Водемон оторвал взгляд от загнувшегося уголка ковра и встретился со светлыми усталыми глазами. — Я потому именно тебе говорю об этом. Если Роберт не знает, есть ещё шанс, что он отнесётся к ней не как к инструменту, понимаешь?

Герцог Рене всмотрелся в лицо Водемона, но, очевидно, не нашёл в нём того, что желал обнаружить. Он махнул рукой:

— Не могу я тебе приказывать держать секреты от твоего господина. Но хотя бы дай ему время, прошу.

Водемон чувствовал, будто занимает чужое место. И будто слова эти Рене должен был бы говорить самому Роберту, не таить от него секретов, но просить отнестись к диковинной дочери с почтением, которое она заслуживает. Вместо этого он, шевалье с прорехой в родословной и кошеле, одним чудом попавший в Чёрный орден и прошедший лучшую рыцарскую школу на континенте, стоял перед герцогом и крал слова Роберта, которому поклялся служить мечом и духом.

— Ступай, шевалье. Но не забудь мои слова.

На деревянных ногах Водемон вышел из покоев герцога Рене. И в душе его пылало знание: он должен рассказать обо всём Роберту.

Вот только смог сделать это он нескоро.

Ужин был медленным и тихим. К столу подали ягнёнка, который блестел в золотистом свете зажаристыми боками, и вино. Плодовые горы лежали на серебряных подносах. В гулком зале пахло замковой сыростью, высокие своды освещала коптящая свечами люстра, а под ногами шуршало сено.

Водемона тоже пригласили к столу (оказалось, что именно это имел в виду Роберт, веля ему умыться), и он, одетый вместо лат в один гамбезон, будто и вовсе голый, молча сидел подле виконта, особо не слушая бесед, но внимательно глядя по сторонам.

Напротив них, рядом с отцом, сидела Иоланта. Она мало говорила, двигалась, будто в медленном танце, не поднимая головы. Герцог Рене ухаживал за ней, незаметными прикосновениями направлял её маленькие ладони к кубку или плошке, и она следовала его указам, ловко орудуя приборами. А за её спиной, сливаясь со стеной, стоял воин с ключом на руках.

Он молчал, не двигался, будто был неживым, и к стене прислонили ещё один полный доспех на подставке. Герцог Рене, видимо, считал занятым держать свои латы на виду, а не в сундуках, и Водемону было трудно представить, сколько труда замковых слуг уходило на то, чтобы ухаживать за ними. Пока он думал об этом, лишь пару раз смог заметить, как молчаливый страж переносил вес с одной ноги на другую и легонько шевелил пальцами рук, затёкшими без движения.

Для Водемона это значило одно — воин очень и очень вынослив. У Водемона самого начинали ныть плечи, стоило ему только подумать о том, чтобы так долго без движения стоять в полном доспехе, да ещё с опущенным забралом. Но он сидел за столом с господами, и это наводило на мысль: стоит ли защитник так только из долга? Или было что-то ещё, что унижало его положение здесь? Кем он был, раз, пренебрегая, не пуская за стол, Рене доверял ему самое ценное — ярым защитником или презренным отбросом?

А ещё Водемон смотрел на Иоланту.

Почему-то ему трудно было отвести от нее взгляд, и он упорно скользил по её рукам, сияющему бледностью лицу, светлым прядям, выпадающим из причёски на шею. Он хотел, как бы это ни показалось грубо, встретиться с ней глазами. Удостовериться, что в словах её отца — в том, что она равно могущественна и слепа, — была сила правды.

Удостовериться, что на такую невесту, узнай об этом Роберт, он бы ни за какие богатства не согласился.

Но она не поднимала головы, не поворачивалась ни к одному из из мужчин за столом, даже в разговорах участвовала только когда ей задавали прямой вопрос, хочет ли она ещё вина или еды.

Господа меж тем сидели долго, лениво говорили о вещах, которые для Водемона значили так мало, что ему в какой-то момент стало казаться, будто герцог Рене и виконт Роберт говорят шифрами, пряча за привычными словами настоящие смыслы. Однако скупающее лицо Роберта, его короткие взгляды на Иоланту и скорость, с которой он уничтожал вино в кубке, быстро дали понять, что не один Водемон изнывал от скуки.

Вот только ему пить было нельзя.

— И как же так вышло, что молодому виконту определили в охрану шевалье из ордена Чёрного крыла? — спросил между делом герцог Рене.

— Хорошо попросил, — отмахнулся Роберт.

— Я тоже хорошо просил у короля. Но к моей дочери отчего-то шевалье Водемона не отправили.

Роберт взглянул на защитника, непоколебимым изваянием возвышавшегося за Иолантой. Он не пошатнулся. А вот сама мадемуазель наклонила голову, явно вслушиваясь в разговор.

— И кто же там, под забралом, такой? — не стирая с лица печати скуки, спросил Роберт.

— Самый преданный из людей. Который предпочитает оставаться в тени и кровь которого не позволяет сидеть ему с нами за одним столом.

Водемон снова пришёл в голову вопрос, что же это должна быть за кровь. И в крови ли вообще дело.

— Евнух? — спросил Роберт. И тут же смешался, принялся пояснять. — Почтенный Аль-Рази из моей свиты рассказывал, что у него на родине мужи... без мужской силы часто охраняют высокопоставленных дам и гаремы.

— Не к столу эта тема, — нервно улыбнулся Рене.

А Водемон заметил, как Иоланта сжала ножку кубка, как побелели её пальцы.

Больше ни о чем интересном для шевалье за столом в тот вечер не говорили. Водемон не любил не то, чтобы вмешиваться — вслушиваться в дела господ, когда того не требовал долг, а потому, улавливая слова краем уха, он тут же отправлял их восвояси.

Выучил уже, что, если не вникать в политику, спится лучше.

— Я думал, матушка присмотрит в жены кого-то, кто хотя бы сможет смотреть мне в глаза, — пожаловался Роберт, которого всё же скосило герцогово вино. Он висел на плече у Водемона и почти орал тому в ухо, пока тот вёл виконта через двор к жилым постройкам.

— Да-да, сир, — давил Водемон из себя, — это оскорбительно, но может.

— Она ни разу! — Роберт неожиданно прытко вывернулся из рук шевалье, приставил палец к его глазам для пущей выразительности, — Водемон, ни разу на меня не взглянула!

Водемон только поклялся самому себе, что непременно завтра же с утра, лишь виконт откроет глаза, расскажет ему об Иоланте, как Роберт сам полез под кожу:

— Ты мне лучше скажи, дружище, что тебе Рене нашептал, когда меня вниз увели? Долго тебя не было!

— Сир... Роберт... Не для момента этот разговор.

Роберт важно кивнул, будто понял, о чём толковал Водемон, приложил руку к подбородку, остановился вдруг, поднял голову к чёрной ночи, нависшей над ними вуалью.

— А знаешь, всё-таки красива она, — проговорил Роберт. — Красива, как, может, лилия на нашем гербе. Я бы на такой женился.

— Вы её совсем не знаете, — мягко напомнил Водемон и снова подхватил господина под плечо, направил вперёд.

— Мадемуазель как мадемуазель, что мне о ней ещё знать-то надо?! — шутливо возмутился виконт.

— Роберт! — дёрнул его Водемон. — Мы снаружи. Обожди до покоев.

Роберт нахмурился, но язык прикусил.

С таким же хмурым лицом он был передан в руки Аль-Рази. Тот, увидев состояние Роберта, сдвинул черные брови, глянул на Водемона белыми даже в ночном мраке глазами и крепко запер за ними дверь.

Уже много лет каждое утро после пробуждения, а в дороге, которая вынудила Роберта спать у костров и глотать пыль из-под копыт, и каждую ночь перед сном, Аль-Рази врачевал Роберта. Водемон доверял лекарю беспрекословно, а самому Роберту не хотелось, чтобы кто-то видел его лечение. Потому Водемон остался под дверью, в переходе между покоями.

Он слышал, как негромко Аль-Рази увещевает Роберта, половину слов запутывая в своём грубом акценте, как тому что-то отвечает виконт.

Не разобрав ни слова, Водемон решил больше и не вслушиваться и отошёл в сторону. Увидел в конце перехода дверь, от которой по полу стелился голубой луч, открыл её и оказался на внутренней замковой галерее, с которой просматривался весь двор.

Водемон облокотился на перила и, наслаждаясь тишиной застывшей ночи, раздумывал о защитнике Иоланты. Если их господа поженятся, и мадемуазель переедет в замок Шаторель, того отправят с ней? Тогда выйдет, что у каждого будет по личному воину, или одного из них отправят со двора? Но кого именно, и если всё же его, то какая судьба уготована Водемону — сражения с короной Кастеры на границе или возвращение в орден?

Водемон нахмурился. Холодный воздух настойчиво лез под гамбезон, хватал за шею и руки.

Конечно, сошлют именно его. Маркграфиня не упустит возможности убрать его с глаз долой. И едва ли Роберт смог бы ей в этом помешать, даже став маркграфом.

И тут, как по зову, на дворе появился защитник Иоланты. Он осторожно прикрыл за собой дверь донжона, выступил в квадрат лунного света и снял шлем. Развязал койф, припал на колено, глядя на небо, и сцепил руки, будто обращался к кому-то с молитвенными словами.

Но почему здесь, ночью? И почему... он обращался к небу, а не к Господину Земли?

Водемон старался не дышать, чтобы не выдать себя и не нарушить уединение защитника, и так чувствуя, будто увидел больше, чем ему полагалось. Но вдруг хрустнула под его ногой доска галереи.

Защитник резко обернулся на Водемона, и, пусть того скрывала тень, посмотрел ему прямо в глаза. И тогда Водемон наконец разглядел это лицо.

Защитник подхватил шлем и койф и быстро исчез за дверью, из которой появился.

В дверях Водемон столкнулся с Аль-Рази, оба друг другу вежливо кивнули, и лекарь поспешил в свои покои. Водемон зашёл внутрь спальни Роберта, закрыл дверь на защёлку и почувствовал, что в воздухе густо пахло шалфеем, анисом и чем-то ещё, терпким и незнакомым.

Роберт, подкошенный крепким вином и долгой дорогой, уже полулежал под покрывалом.

В дрожащем свете свечи из-под опущенных ресниц он рассеяно смотрел на мрак комнаты, в котором выбирался из гамбезона Водемон. Наконец он закончил, лёг на свою кровать. Воцарилась тишина, в которой едва можно было расслышать хрипловатое дыхание Роберта.

Он прокашлялся.

— Не тушить? — спросил Роберт, переведя взгляд на свечу.

— Не тушить, — в тон ему ответил Водемон и накрылся покрывалом.

Уже через несколько мгновений обоих сморил глубокий сон.

Но не успела догореть свеча, как их разбудил оглушительный грохот. Затрещал камень, задрожали стены и раздался далёкий крик.

Водемон сразу узнал этот звук. В замок герцога Рене выстрелила бомбарда.

III. Вернись назад исполненный боязни

Роберт

— Пропади оно всё пропадом, — зло шептал Роберт. — И Иоланта, и этот герцог, и матушка со своей... — он попыталс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.